

— Землетрясение? – разум Тан Фаня еще не полностью пробудился ото сна, не успев вернуть присущие ему обычно умственные способности и рассудительность. Его темные глаза оставались подернуты тонкой пеленой, а лицо было растерянное и невинное. Нижние одежды свободно свисали, обнажая большую часть груди.

Даже будучи ученым, Тан Фань все же не пренебрегал физическими упражнениями. Как минимум, он владел шестью искусствами благородного мужа (этикет, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия, математика) и был искусен в стрельбе из лука, что делало его фигуру достаточно привлекательной, в отличие от не способных и с курицей совладать хилых заучек, у которых лишь ребра торчали.

Суй Чжоу очень нравилось видеть его эту столь редко открывающуюся сторону, поскольку в такие моменты он всегда чувствовал: “Этот человек мой. Только мне доступна эта его сторона”.

Мало кто знал, каким ужасным собственником был граф Суй.

— На Тайани, в Шаньдуне, – уточнил Суй Чжоу. Естественным движением он протянул руку и поправил пояс Тан Фаня, а затем помог ему облачиться в верхнее платье.

Сам Суй Чжоу был одет довольно небрежно, но в первую очередь ему было важно, чтобы Тан Фань не простудился.

Плечи и спина Тан Фаня были в тепле, но вот шею холодный воздух все-таки лизнул, заставив его вздрогнуть и окончательно проснуться.

— Откуда ты знаешь?

— Новости уже дошли до дворца. Ван Чжи прислал сообщить.

Стук в ворота должен был быть хоть и не громким, но явственно различимым в ночной тиши. Тан Фань, в отличие от Суй Чжоу, так крепко спал, что ничего не услышал.

Землетрясение было природной катастрофой, но землетрясение, произошедшее на горе Тайшань, несло в себе и другой смысл.

При восхождении на престол, смене императорской династии или другом важном событии будущий император должен был взойти на гору Тайшань.

Зачем?

Затем, что Восток с незапамятных времен был символом добрых предзнаменований. Гора Тайшань располагалась на востоке и считалась местом, куда спускаются боги и духи. “Ступи в место соединения Небес и Земли – обретешь мир” – именно потому, гору Тайшань так и называли (Иероглиф “山” (тай) означает гармонию, пересечение неба и земли). Правители начали восходить на гору Тайшань, дабы обратиться к Небу и Земле задолго до появления империй Цинь (221–206 до н.э.) и Хань (206 до н.э.–220 н.э.), а император-основатель династии Цинь продолжил эту традицию. Так и повелось, что императоры всех последующих династий с гордостью совершали восхождение на гору Тайшань.

В отличие от пересекшей Северный Ковш кометы, появление которой можно было истолковать по-разному, происшествие на горе Тайшань могло значить лишь одно: Небеса гnevаются на императора.

Неужели император сделал что-то не так?

Вариантов масса.

Даже если бы и не сделал, чиновники всегда были только рады обличить недостатки императора и упрекнуть его в том, что он затеял нецелесообразное масштабное строительство, не проявлял должного усердия в управлении, относился к народу без любви и так далее. Это если не говорить о громком событии, которое случилось буквально только что.

Император хотел низложить наследного принца.

Сами посудите: только императору пришла в голову идея сменить наследного принца, как гора Тайшань содрогнулась от землетрясения! Что это, если не предупреждение Небес?

Если император продолжит упорствовать, может случиться нечто посерьезнее землетрясения.

Тан Фань, в отличие от простого люда, конечно же, не верил, что низвержение наследного принца и землетрясение были как-то связаны, но не сомневался: как бы тверд ни был император в своем намерении, услышав о произошедшем, он несомненно начнет колебаться.

Такой шанс выпадает раз в тысячу лет.

Если бы Ван Чжи не послал сообщить о том, что случилось, Тан Фань с остальными узнали бы обо всем только назавтра, войдя в Кабинет Министров, и упустили бы последнюю возможность.

Больше не произнеся ни слова, Тан Фань встал и оделся, собираясь нанести ночной визит Лю Цзяню с Сюй Пу, дабы каждый из них составил прошение императору. В прошениях этих они, естественно раздули бы из простого природного бедствия настоящую катастрофу, решив напугать Императора и заставить его окончательно отказаться от идеи низложить наследного принца.

С некоторых пор эти двое понимали друг друга абсолютно без слов.

Стоило Тан Фаню сделать шаг, как Суй Чжоу уже понял, что тот собирается сделать:

— Я провожу тебя.

— Хорошо, — Тан Фань не стал возражать, однако, немного подумав, добавил: — Его Величество тебе пока доверяет. С твоим статусом не стоит вмешиваться в дела гражданских чиновников.

— Я понимаю, но, если ты снова разгневаешь Его Величество, мне все равно придется заступиться за тебя. Как я могу не вмешиваться? — с серьезным лицом пошутил Суй Чжоу.

Тан Фань не знал, смеяться ему или плакать:

— Ты не мог сказать что-нибудь хорошее?

На следующий день, когда распространилась новость о том, что император прямо заявил о своем желании низложить наследного принца и даже посоветовался по этому поводу с Кабинетом Министров, стало известно и о землетрясении на горе Тайшань.

Двор и общественность загудели как улей, но, прежде чем они успели хоть как-то отреагировать, прошения Лю Цзяня, Сюй Пу и Тан Фаня уже достигли императора. В прошениях этих они связывали землетрясение с желанием императора свергнуть наследного принца и резко упрекали его, заявляя: “Принц – наследник, которого Вы сами назначили. Он принес жертву в Храме Неба от Вашего имени и получил признание Небес. Он добродетелен, однако Вы хотите низложить его – землетрясение на горе Тайшань – это предупреждение Вам. Вы из-за личных предпочтений навлекли на страну смуту и рады? Боимся, если бы великий император-основатель на том свете узнал об этом, он бы в гробу перевернулся”.

Хоть сформулированы все три прошения были по-разному, целью они имели одно и то же. Закончив читать, император оставил их при себе, не придав огласке. Но в официальных кругах столицы не могло быть тайн, и содержимое их через Управление Связей просочилось наружу.

Умудрившиеся стать чиновниками из тысяч других талантов, служащие Шести Министерств были людьми непростыми и сразу заметили две вещи.

Во-первых, в кабинете министров было семь человек, но прошения составили лишь Лю Цзянь, Сюй Пу и Тан Фань, а значит, мнения внутри Кабинета разделились. Остальные, скорее всего поддерживали низложение наследного принца или просто не были против.

Во-вторых, Лю Цзянь и двое других министров решили направить официальные бумаги ко Двору, вместо того чтобы поговорить с императором лично, а значит, беседа с императором уже состоялась, причем неудачная.

Подобно тому, как небесные знамения могли иметь разные толкования, так и на землетрясение на горе Тайшань можно было посмотреть с разных точек зрения. Оно могло быть связано вовсе не с низложением наследного принца, а с безответственным отношением императора к государственным делам – обличитель был волен выбрать любое трактование.

Другими словами, Двор стоял перед выбором.

Последовать примеру Лю Цзяня и составить прошение или сделать вид, что им ничего неизвестно?

Если составлять прошение, то какую сторону поддержать?

Связать землетрясение со свержением наследного принца – означает пойти против фракции Ваней. А что, если Его Величество заупрямится и все равно сменит наследного принца?

Тогда все, кто составили эти прошения, нанесут оскорбления новому наследнику.

Никто не знал, чем это дело обернется.

Как и те, кто всю жизнь провели в Императорской Обсерватории, целыми днями следя за звездами, не могли знать не то что тайн Небес, но и своих собственных судеб.

Однако колесо судьбы не перестанет вращаться только лишь из-за человеческих волнений. Даже воля императора ему не помеха.

Слова о том, что “человеческая решимость способна одолеть Небеса” безрассудны, невежественны и нелепы.

Император наконец испугался.

Он посмотрел на разложенные перед ним три прошения, и вся его решимость вмиг улетучилась из-за какого-то землетрясения.

Как бы ни усердствовал Вань Ань и его приспешники, пытаясь переубедить его, все было без толку. Император не был марионеткой или дураком и оказался в состоянии думать сам: землетрясение было похоже на тревожный звонок, мигом пробудивший его ото сна.

Он не знал, что Вань Ань и иже с ним с таким упорством поддерживали принца Сина лишь ради личной выгоды.

С самого начала император желал низложить наследного принца не ради фракции Ваней и не потому, что ненавидел его, хотя это и была одна из причин.

Настоящая причина заключалась в том, что он не хотел разочаровывать благородную наложницу Вань.

Смерть их сына разбила им сердце, а после благородной наложнице Вань так и не удалось забеременеть, так что перейти к их общим потомкам страна не могла.

Поскольку госпожа Вань благоволила принцу Сину и ненавидела наследного принца, она надеялась, что трон сможет достаться ее любимцу, а император был готов исполнить ее желание.

Эти двое, в любом случае, были его родными сыновьями, и императору было неважно, кто станет наследником.

Однако на этот раз император колебался вовсе не из-за противодействия чиновников, а из-за предупреждения Небес.

“Неужели даже Небеса против того, чтобы мы с госпожой Вань получили желаемое?”

Неужели Небеса тоже считают, что Чжу Ююань не сможет заменить Чжу Ютана?”

В конце концов, император Чэнхуа не был совсем уж безответственным человеком.

Государственными делами он не интересовался, предпочитая разводить птиц, выращивать цветы и рисовать, однако образование Восточного дворца, которое он получил во времена, когда был наследным принцем, оставило глубокий след в его сознании. В критический момент

между желанием любимой женщины и долгом перед страной Чжу Мин (другое название империи Мин), долго колеблясь, он выбрал последнее.

— Сестрица Вань, мы тебя подвели! Дело не в том, что мы не хотим, чтобы Чжу Ююань стал императором, а в том, что мы должны дать объяснение нашим предкам! – с болью в голосе произнес император, сжав руку госпожи Вань.

— Почему Ваше Величество говорит так? Это все моя горькая доля. Небеса не хотели, чтобы мой сын стал наследным принцем, не хотели, чтобы я стала императрицей, а теперь не хотят, чтобы мой любимый ребенок получил все, чего я желаю. Боюсь, я обречена на вечные неудачи, – благородная наложница Вань тяжело вздохнула. Она была человеком раздражительным, но умела держать себя в руках, когда это требовалось, а иначе не смогла бы окружить императора в детстве бесконечной нежностью и теплом.

Услышав эти слова, император почувствовал себя еще более виноватым, чем прежде. Он действительно очень любил эту женщину: за всю свою жизнь ему пришлось приобрести и потерять многое. Он был готов лишиться своего трона, но ни за что бы не согласился расстаться с женщиной перед собой. Однако даже так, восседая на троне Чжу, из-за своего характера он не мог игнорировать протесты и упорно творить безумства.

— Нет, это не твоя доля. А если и твоя, мы изменим твою судьбу. Когда наше время придет, мы издадим указ о назначении тебя вдовствующей императрицей. Мы знаем, что тебе не нравится наследный принц, но он послушный ребенок и не пойдет против нашей воли. Ради нас он станет относиться к тебе с почтением и заботой, дабы ты смогла счастливо прожить всю оставшуюся жизнь.

Госпожу Вань не могли не тронуть эти слова. Мужчина, что на целых девятнадцать лет был моложе ее, действительно идеально ей подходил.

Она ссорилась с императором из-за растущего числа наложниц и детей в гареме, и даже отравила некоторых из этих женщин и их сыновей ядом, а император все знал, но закрывал на это глаза.

Порой она задавалась вопросом, не было ли то, что она не смогла родить сына и стать императрицей, возмездием Небес за отнятые ею жизни.

А иногда ее сердце kloкотало от негодования: “Зачем я потратила все свои силы, растя тебя? Когда ты был на дне, даже твоя родная мать не смела навещать тебя! Если бы не я, ты бы умер глубоко во дворце, и никто не узнал бы об этом! А ты даже императрицей меня сделать не смог, потому твоя мать была против!”

Подобные противоречивые мысли заставляли госпожу Вань испытывать к императору сложную гамму чувств от любви до ненависти. Любила и ненавидела одновременно – и не понятно, что больше.

— Раз Ваше Величество принял решение, не будем об этом больше. Такова моя доля, – она похлопала императора по тыльной стороне ладони и ободряюще улыбнулась. – Есть кое-что еще.

Император чувствовал себя настолько виноватым, что хотел дать ей все самое лучшее, что есть в мире. Услышав эти слова, он ответил:

— Говори же.

— Насколько я знаю, Дворец Почитаемой Истины и Долголетия вот-вот будет достроен. Прежде, когда ты хотел лично отправиться во Дворец помолиться, эти чиновники взбунтовались. Было бы лучше отправить от твоего имени наследного принца. Они не смогут ничего возразить. У тебя слабое здоровье – я бы хотела, чтобы принц помолился за тебя.

— Сестрица Вань, ты единственная, кто так печется обо мне, – император был несколько тронут.

Благородная наложница поджала губы в улыбке и ласково погладила его по голове:

— Я вырастила тебя, как мне о тебе не печься?

Пока император с благородной наложницей беседовали, в поместье Вань разворачивалась следующая сцена.

Чайная чашка с громким звоном упала на пол. Осколки разлетелись во все стороны. Парочка попали на ноги стоявшей неподалеку служанки. К счастью, осколки эти были небольшими, да и одежда защитила кожу, так что никакого вреда они ей не причинили.

Но служанка все равно изменилась в лице от страха и даже дыхание задержала, боясь разозлить своего хозяина.

— Это же абсурд! Абсурд! С чего вдруг вообще приплели это землетрясение?! Ну случилось оно, и что?! Как можно все стихийные бедствия связывать с низложением наследного принца?! – Вань Тун дрожал от гнева.

И гнев его был понятен. Их план должен был вот-вот воплотиться в жизнь, император уже составил соответствующий указ, как вдруг все пошло кувырком. Говаривали, что император в одну ночь велел Управлению Связей отозвать указ и больше не упоминал о свержении наследного принца.

Вань Ань, Пэн Хуа и Инь Чжи переглянулись, молча вздохнув.

Стихийные бедствия происходили каждый год, но подобный случай, когда император только пожелал низложить наследного принца, как тотчас произошло землетрясение, сложно было назвать простым совпадением. А основная проблема заключалась в том, что случилось это землетрясение на горе Тайшань. Если бы оно произошло в любом другом месте, жалкие потуги Лю Цзяня и иже с ним оказались бы тщетны: император не изменил бы своего мнения.

А теперь было уже поздно. Император был человеком нерешительным. Стоило ему спрятаться в своей скорлупе – и снова принять решение он бы уже не смог.

Все их труды оказались напрасны.

Вань Тун злился, но Вань Ань в Кабинете Министров сегодня пришлось еще хуже.

Лю Цзянь, Сюй Пу и Тан Фань радостно болтали между собой прямо у него на глазах, и даже Лю Цзи, прежде пришедший с ним к соглашению, старательно его игнорировал. Им нужно было обсудить рабочие вопросы, но Лю Цзи нашел предлог, чтобы избежать встречи, передав все необходимые документы через своего помощника-евнуха.

С тех пор как стал первым министром, Вань Ань никогда не сталкивался с подобным отношением. Его лицо перекосило от гнева.

Но что он мог сделать?

На самом деле, Вань Ань был в ужасе. Насколько же неумолимой была судьба наследного принца? В детстве на его долю выпало немало страданий, однако он не умер, как принц Даогун, а дожил до своего возраста. Даже небесные знамения ему оказались не помехой.

Может, наследному принцу и правда суждено стать истинным императором?

Тогда кто они такие, чтобы идти против воли Небес?

Эти сомнения Вань Ань похоронил глубоко в своем сердце и никогда никому о них не рассказывал.

Интуиция подсказывала ему, что Пэн Хуа с Инь Чжи думали так же, хоть и не осмеливались озвучить свои опасения.

Видя, что все трое молчат, Вань Тун распалился еще сильнее.

— Юаньвэн, что Вы думаете по этому поводу? – мрачно спросил он. – Может, подыщите какой-нибудь подходящий для данного случая закон?!

— Все кончено, – горько улыбнулся Вань Ань. – Мы сделали все, что могли. Что еще остается? Я тут бессилен.

— Вы все! – холодно продолжил Вань Тун. – Не забывайте, что уже ясно дали понять о своем отношении к вопросу о низложении наследного принца. Если сейчас же не придумаете, что делать, то дождетесь – наследный принц взойдет на престол, и жизни ваши изменятся кардинально. Слава, богатство – что уж говорить, даже над жизнью своей будете не властны!

— Наследный принц характером мягок, как и его отец, – откашлялся Инь Чжи. – Может, до этого и не дойдет.

— Значит, вы решили вручить свои жизни и будущее ему в руки?! – Вань Тун был в ярости.

Причина, по которой Вань Тун так нервничал, заключалась в том, что он был родственником благородной наложницы, а не гражданским чиновником. Вань Ань с остальными, заняв не ту сторону и поддержав не того человека, в худшем случае могли быть уволены со своих постов и отправлены домой. Однако если император умрет, благородная наложница Вань лишится поддержки, и конец их с братом будет печален.

Как Вань Тун сам только что и сказал, его жизнь и будущее будут зависеть от воли нового монарха.

— Я не это хотел сказать... – сухо рассмеялся Инь Чжи.

— Не забывай, – фыркнул Вань Тун, – твой сын все еще заперт в Императорской Страже. Я ходил за ним, но Суй Гуанчуань отказался его выдавать, сказав, что допрос еще не закончен. Суй Гуанчуань, собака! Не потому ли это, что он близок с этими гражданскими чиновниками?! Моя сестра еще жива, а он смеет так себя вести! погоди... И увидишь, сколько еще твой сын продержится под пытками!

Услышав эти слова, Инь Чжи закрыл свой рот.

Взглянув на их лица, Пэн Хуа хотел было что-то сказать, дабы сгладить ситуацию, но его прервал слуга, вошедший с докладом Вань Туну:

— Господин, Вас хочет видеть кое-кто из дворца.

— Кто?

— Сяо Лю.

— Впусти, – Вань Тун, очевидно, знал этого человека.

Новым гостем оказался облаченный в одежды обычного горожанина молодой дворцовый служащий.

Стоило ему войти, как Вань Тун спросил:

— Сяо Лю, тебя послал евнух Лян или моя сестра?

Этот дворцовый служащий по имени Сяо Лю занимал во Дворце Добродетели должность, прежде принадлежавшую Ван Чжи, – был личным слугой благородной наложницы Вань, а также являлся учеником Лян Фана, главы Управления Церемоний. Поэтому Вань Тун и задал этот вопрос.

— Этот скромный пришел по приказу командующего Ляна. Ему есть что обсудить с господами, – отвечал Сяо Лю.

Вань Тун немного расстроился: он думал, что Сяо Лю послала его сестра, однако все равно махнул рукой, давая понять слугам, чтобы ты вышли, и нетерпеливо бросил:

— Командующий Лян велел передать, что Его Величество передумал свергать наследного принца? Мы уже давно знаем об этом!

— Господин не так понял. Командующий Лян в курсе, что господа уже знают об этом. Этот скромный здесь, чтобы передать кое-что важное.

— Не тяни!

Сяо Лю слабо улыбнулся и поведал им о словах Лян Фана.

Выслушав его, Вань Ань изменился в лице:

— Этого ни в коем случае нельзя делать!

Вань Тун еще не успел обдумать предложение, однако слова Вань Аня его возмутили:

— Чего нельзя делать?! Я, вот, думаю, что это хорошая идея!

На лицах Пэн Хуа с Инь Чжи читалось сомнение, однако слов Вань Туна они не опровергли.

— Вы с ума сошли? – Вань Ань даже голос повысил. – Если об этом станет известно, тебе... Да нам всем конец!

Присутствующие отреагировали по-разному: Вань Тун был зол, Вань Ань – поражен, Пэн Хуа – спокоен, а Инь Чжи по-прежнему продолжал колебаться.

Сяо Лю молча глядел на них, не шелохнувшись.

— Если все тщательно спланируем, риска, что об этом кто-то узнает, не будет! – мрачно произнес Вань Тун, а затем обратился к Пэн Хуа с Инь Чжи: – А вы что думаете?

— Насколько вы уверены в успехе? – спросил Пэн Хуа у Сяо Лю.

— Не на девяносто, но, как минимум, на процентов семьдесят-восемьдесят, – уверенно ответил Сяо Лю. – Командующий Лян уже давно все подготовил. Господа, будьте спокойны.

— А что насчет благородной наложницы? – уточнил Инь Чжи. – Она знает об этом?

— Да, – улыбнулся Сяо Лю. – Почтенная госпожа еще месяц назад предложила эту идею командующему Ляну. Никто не понимает Его Величество лучше, чем она. Она знала, что Его Величество никогда не отличался решительностью, и что вы, господа, скорее всего, потерпите неудачу, попытавшись убедить Его Величество с помощью небесных знамений, однако тогда почтенная госпожа с командующим Ляном еще не до конца все продумали, так что не стали сообщать господам о своих планах. Теперь же, когда все мосты сожжены, другого выбора не остается.

Вань Тун хлопнул по столу ладонью:

— Верно! Ты прав. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Ничего не поделать. А если кто-то отступит в такой важный момент... – он окинул взглядом троих министров и злобно бросил: – Тот станет врагом мне и моей сестре!

Вань Ань пошевелил губами, однако, в конце концов, не произнес ни слова.

Примечания переводчика:

Поржала с того, как автор в 144 главе спохватилась, что ТФ, по ее меркам, недостаточно сексуален, и наделила его способностью стрелять из лука (сразу вспомнилось, как он продул А Дун все раунды по бросанию палочек в горшок, потому что был нихрена не метким) и привлекательным телом, “не то что у заучек”, хотя до этого фраза “не способен даже с курицей справиться” в тексте чаще всего относилась именно к ТФ... Это все звучит также неправдоподобно и надуманно, как и его двухлетние странствия по всей стране.

“Мало кто знал, каким ужасным собственником был граф Суй”, - автор, ты открыла нам Америку.

Глава была небольшая, но все эти размышления о судьбе меня утомили знатно...

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3480493>